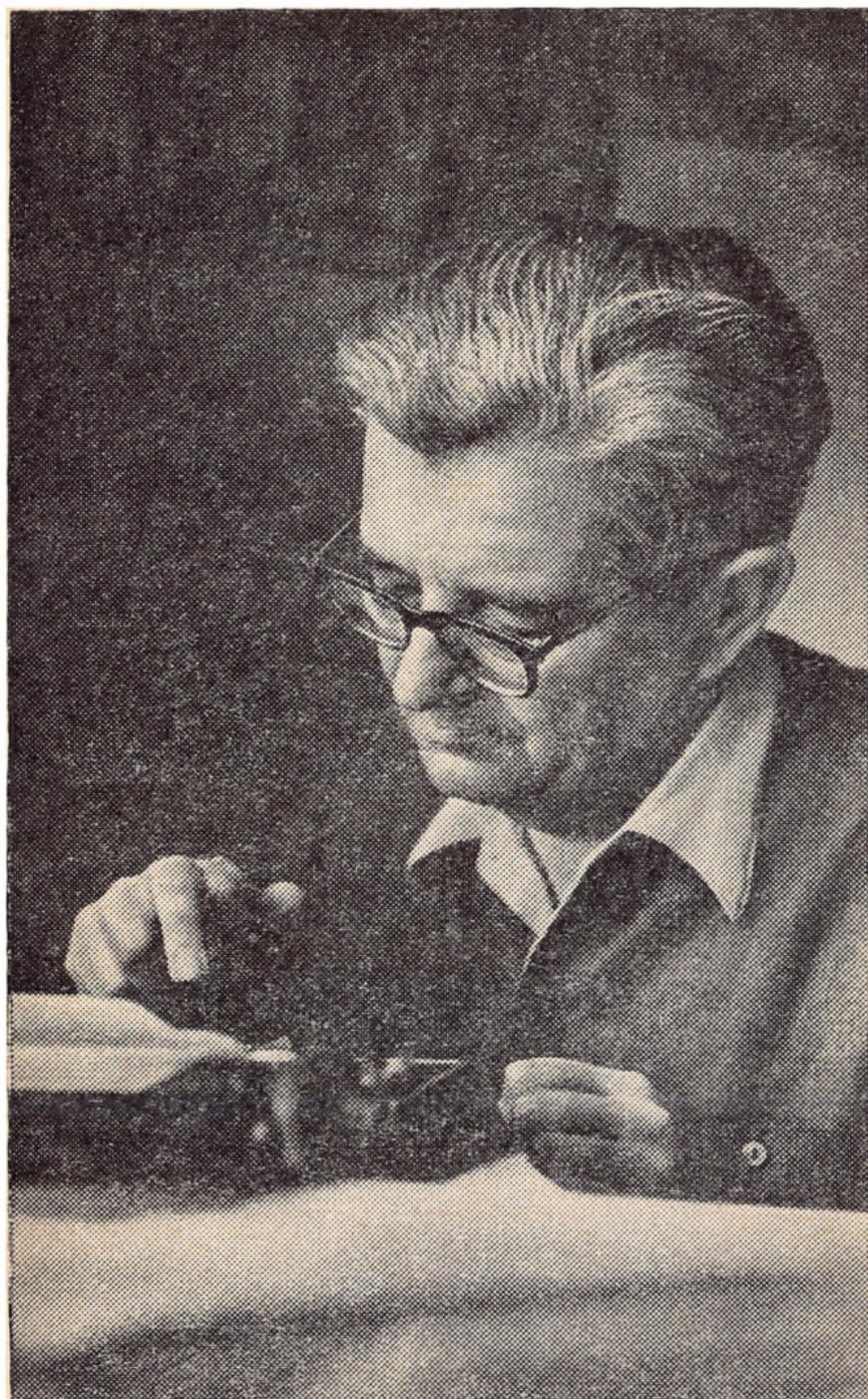
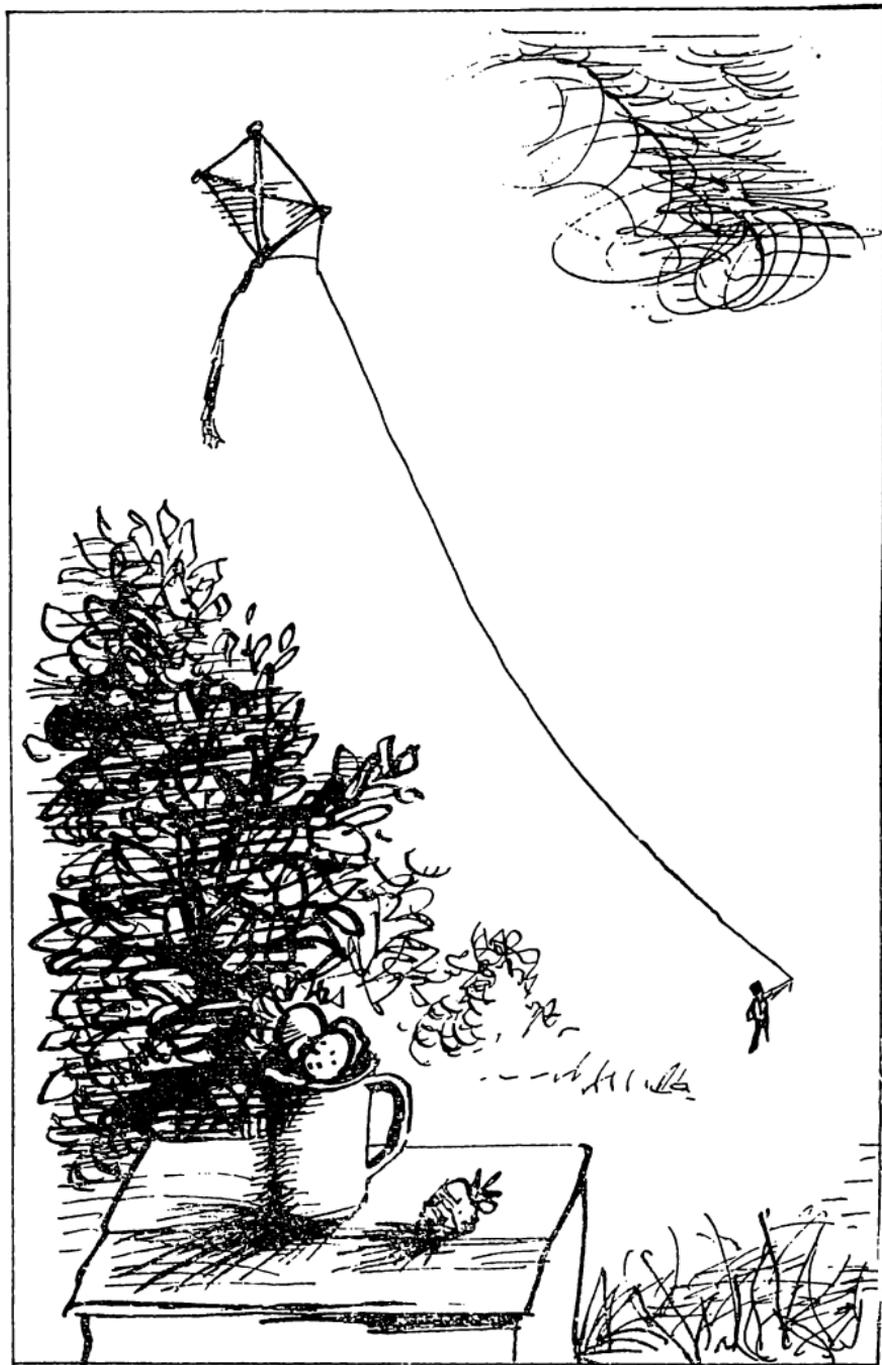

Валентин Серов

СЕМЕЙНАЯ
ФОТОГРАФИЯ

Валентин Серестов

**СЕМЕЙНАЯ
ФОТОГРАФИЯ**

**СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1973**

Стихи, вошедшие в новую книгу Валентина Берестова, связаны единым сюжетом: это своеобразная личностная автобиография. Перед читателем проходят юные годы героя, совпавшие с порой первых пятилеток, этапы его возмужания, эпизоды работы в археологических экспедициях (В. Берестов по прежней профессии своей — археолог). Стихи поэта окрашены добротой, мягкой ироничной улыбкой, в них множество живых и точных примет времени.

© издательство «Советский писатель», 1973.
Стихотворения, отмеченные в содержании звездочкой, печатались до 27 мая 1973 года.

* * *

Вечер. В мокрых цветах подоконник.
Благодать. Чистота. Тишина.
В этот час, голова на ладонях,
Мать обычно сидит у окна.

Не откликнется, не повернется,
Не подымет с ладоней лица.
И очнется, как только дождетя
За окошком улыбки отца,

И подтянет у ходиков гири,
И рванется навстречу ему.
Что такое любовь в этом мире,
Знаю я, да не скоро пойму.

СЧАСТЬЕ

Валентину Катаеву

Гриб за грибом ложился в кузовок.
Я счастлив был, хотя валился с ног.
Но я еще счастливее бывал,
Когда глаза в постели закрывал,—
И вспыхивало сразу предо мной
Все, что скрывал от глаза мрак лесной,
Все, что я, глядя под ноги, искал.
Кто в темноте ковер цветной соткал
Из рыжиков, из белых и маслят?
Картинами такими теплит взгляд,
Работая тайком, не напоказ,
Художник, что живет в любом из нас.

**Ах, сколько звезд зимой в ночи морозной
Открыто детям! И еще не поздно,
Еще не скоро скажут «Спать пора!»,
И только начинается игра.**

**Совсем иначе светят звезды летом,
Для малышей те звезды под запретом.
До времени они утаены.
Их видит юность. Детство видит сны.**

ПЕРЕКРЕСТОК ДЕТСТВА

1

О, перекресток детства! В мир безбрежный,
В его простор, желанный, неизбежный,
На юг, на север, запад и восток
Идут дома... Мой санный и тележный,
Мой летом травяной, зимою снежный,
Мой деревянный, с виду безмятежный,
Садово-огородный городок.

2

Речка детства моего — Турея.
Плеск воды вокруг сухой коряги.
Поплавок отцовский (это пробка
На обломке птичьего пера).
Вынырнула крыса водяная.
Мокрый черный мех блеснул на солнце.
Нас с отцом увидя, удивилась...
Речка детства — милая Турея.

3

Тропинка-тропа, ты меня подвела!
Какою ты крепкой, тропинка, была,
Какою сухою и звонкой!
Но дождик прошел... Я повсюду брожу
И только тропинку мою обхожу
Сторонкой.

4

Схватили, разули,
Раздели тебя без стыда.
Ты брошен в корыто.
На темечко льется вода.

Ты все принимаешь,
От мыла глазенки зажмура,
И мамины руки
Играют тобою, как буря.

О ужас и счастье
Таинственных этих минут,
Когда тебя в воду бросают,
И трещлют, и мнут,

А ты хоть не знаешь
Причины и смысла событий,
Но веришь в добро,
Бултыхаясь в гремящем корыте.

5

Дом
Ходуном.
Мать ужасом объята:
— Опять дерутся!
Брат идет на брата.

И гонит нас во двор,
В толпу ребят.
Двор ходуном:
Встает за брата брат!

6

Итак, беру я ножницы,
Гребенку и халат.
Сидит, как в парикмахерской,
Мой пятилетний брат.

И просит он все локоны
Остричь до одного,
Чтоб женщины в покое
Оставили его.

7

К нам доктор Лебедев пришел.
Он шляпу снял. Он сел за стол.

Не понимая ничего,
Мы с братом смотрим на него.

**Он без халата. Он с женой.
Он не спросил: «А кто больной?»**

**Он просто гость. Но странный гость,
Который видит нас насквозь.**

8

**И, кого-то опять хороня,
Чтобы все горевало окрест,
Словно гром среди ясного дня,
Грянул в медные трубы оркестр.
Окна наглухо, дверь на засов,—
Не поможет, забудь под кровать,
Крепче уши зажму...
Ведь печальных концов
Я еще не хочу признавать.**

9

**Три копейки несу в кулаке —
Связал честным мальчишеским словом —
Продавщице в пуховом платке,
Продавщице в ларьке продуктовым.**

**Что случится, не знаю и сам,
Но ужасное что-то случится,
Если я не отдам,
Если я не отдам
Этот тягостный долг продавщице!**

10

Шагает, как Наполеон,
Любимец мой — петух.
Мне зреньё услаждает он
И услаждает слух.

Он любит бой, он любит власть,
Он грозен, как орел.
И что герою лисья пасть
И кухонный котел!

Отведать эти потроха
Мечтают все вокруг.
Но главный враг у петуха —
Другой такой петух.

11

Собирать я начал в восемь лет
Фантики — обертки от конфет.
Полюбил я пестрые картинки
И копил их, бережно храня.
И впервые поважней начинки
Сделались обертки для меня.

Но богатства подлежат обмену,
А не то они теряют цену.
Споры, уговоры, как на рынке...
— Что глядишь? Меняйся! То на то! —
И важней начинки
И картинки
Оказалось сам не знаю что.

Любили тебя без особых причин
За то, что ты — внук,
За то, что ты — сын,
За то, что малыш,
За то, что растешь,
За то, что на папу и маму похож.
И эта любовь до конца твоих дней
Останется тайной опорой твоей.

СЕМЕЙНАЯ ФОТОГРАФИЯ

Натягиваю новую матроску,
И поправляет бабушка прическу,
На папе брюки новые в полоску,
На маме ненадеванный жакет,
Братишка в настроении отличном,
Румян и пахнет мылом земляничным
И ждет за послушание конфет.
Торжественно выносим стулья в сад.
Фотограф наставляет аппарат.
Смех на устах. Волнение в груди.
Молчок. Щелчок. И праздник позади.

КОСТИК

А. Г. Берестову

**Кто помнит о Костике,
Нашем двоюродном брате,
О брате-солдате,
О нашей давнишней утрате.**

**Окончил он школу
И сразу погиб на войне.
Тебе он припомнился,
Мне он приснился во сне.**

**В семейных альбомах
Живет он на карточке старой
(Играть не играл он,
Но снят почему-то с гитарой).**

**И что-то важнее,
Чем просто печаль и родство,
Связало всех нас,
Кто еще не забыл про него.**

БАБУШКА КАТЯ

**Вижу, бабушка Катя
Стоит у кровати.
Из деревни приехала
Бабушка Катя.**

**Маме узел с гостинцем
Она подаст.
Мне тихонько
Сушеную грушу сует.**

**Приказала отцу моему,
Как ребенку:
«Ты уж, деточка, сам
Распряги лошаденку!»**

**И с почтеньем спросила,
Склонясь надо мной:
«Не желаешь ли сказочку,
Батюшка мой?»**

ЗЕМЛЯНИЧНАЯ КАНАВА

**В далекий лес ребят орава
Давно с лукошками ушла.
А малышей ждала канава.
Там тоже ягода была.**

**Берешь с собой стакан граненый
И пропадаешь с головой,
Счастливый, целеустремленный,
В канаве этой луговой.**

**Все ягоды раздашь, бывало,
Раздаришь все, что принесли,
Как будто нам передавала
Канава доброту земли.**

УРОК РИСОВАНИЯ

Учитель положил на стол морковку.
И с уваженьем слушал ученик:
«Вон тот бочок в тени — дадим штриховку,
А этот на свету — положим блик».

Мальш трудился, не жалея сил,
Штриховку на морковку наносил...
И все ж явились рядышком с морковкой
Два зайца, пароход, солдат с винтовкой.

БОЛЬНИЧНЫЙ ДВОР

**За беленым забором больницы
Георгины и розы цвели,
Распевали веселые птицы
И жужжали большие шмели.**

**С мокрой клумбы, как запах лекарства,
Разносился цветов аромат.
Как хозяин волшебного царства,
Брел большой, запахнувши халат.**

**И мечтал я вот так же одеться,
В сад явиться, пройти по нему.
Человек не завидует в детстве
Разве только себе самому.**

ОДУВАНЧИКИ

Вот они! Молчком, молчком
Корни сок готовят белый,
Горьковатым молочком
Кормят стебель пустотелый.

Праздник солнца! Сколько вас,
Одуванчиков, у лета!
Детства золотой запас,
Неразменная монета.

И опять молчком, молчком
Закрываются умело,
И под рыжим колпачком
Созревает праздник белый.

Вас я вижу с высоты,
А когда-то были пониже,
Много ниже, много ближе
К вам, приятели-цветы.

**Обновятся все дворы,
Все лужайки до единой.
Распрекрасные шары,
Развеселые седины.**

**Легкий вздох иль ветерок —
Пух летит за горсткой горстка.
И останется кружок
Наподобие наперстка.**

БОГАТЫРИ

1

На лбу бывали шишки,
Под глазом — фопари.
Уж если мы — мальчишки,
То мы — богатыри.

Царапины, занозы...
Всего страшнее — йод!
(Тут, не стесняясь, слезы
Сам полководец льет.)

Пусть голова в зеленке
И в пластырях нога,
Но есть еще силенки,
Чтоб разгромить врага!

Упрямые,
С утра мы
Опять на бой, в дозор...

От тех сражений шрамы
Остались до сих пор.

2

С тобой мы дружили, как дружат мальчишки,
Сражались и спорили без передышки.
Бывало, лишь только сойдемся с тобой,
И сразу у нас начинается бой.
Опять в рукопашной иль шахматной схватке
Друг друга спешим положить на лопатки.
Где меч отсверкал, там покатится мяч.
Ликуй, победитель! Поверженный, плач!
Нам эти сражения не падоели,
Хоть каждый сто раз погибал на дуэли.
Зато сохранили мы дружбу свою.
Еще бы! Она закалилась в бою!

3

Нет, руки зимой не у тех горячей,
Кто клал их в карман или грел у печей,
А только у тех, а только у тех,
Кто крепко сжимал обжигающий снег,
И крепости строил на снежной горе,
И снежную бабу лепил во дворе!

4

Я не на палке. На коне!!
Высокий дух кипит во мне.

Забыты камни и рогатки.
Сверкают сабли в честной схватке.
С тех пор как сел я на коня,
Честь — вот что важно для мсня.
Я перерос возню и драку.
Я — рыцарь. Я скачу в атаку.

5

Итак, я пал в сраженье. Я убит.
Одно мгновенье армия скорбит,
И без меня в атаку мчатся кони.
Я — посторонний.
Я — потусторонний.
Подумать только, боевой приказ —
И тот не властен надо мной сейчас.
И, на меня не покосившись даже,
Ползет у ног моих разведчик вражий,
Скользит змеей бесшумно, не дыша.
Я — тень. Я — отлетевшая душа.
Как все же нелегко душе героя
Таинственно парить над полем боя!

6

Хватило мальчишеских сил.
Я реку мою переплыл.
И вот я на том берегу!
Зубами стучу на бегу.
Вступаю в неведомый край...
Ракита. Корыто. Сарай.
Крапива. Горшки на плетне.
Один на чужой стороне!

Сижу на самой верхней ветке,
И чудится, что я в разведке
Или на мачте корабля,
Готовый закричать «Земля!».
А ветер дерево качает.
Никто меня не замечает.
А я забрался выше всех,
И вижу всех,
И слышу всех!

Давай-ка простимся,
Мой конь вороной,
С лесной тишиной
И прохладой лесной.

Зовет нас с тобой
Богатырская доля
Из темного леса
В открытое поле.

ПЛАЩ

Плащ — героический наряд.
Какое счастье — в плащ одетым
С копьём, с мушкетом, с арбалетом,
Со шпагой или с пистолетом
Скакать куда-то наугад,
Чтоб развевался плащ при этом,
Как знамя, шумен и крылат.

А папин плащ? По всем приметам
К плащам, поэтами воспетым,
Он отношенья не имел.
Он, может, вился б и шумел,
Да мать о нем не забывала
И пуговицы пришивала,
Когда он, мятый и линялый,
В углу на гвоздике висел.

Зато как славно он шуршал,
Когда, поднявшись спозаранку,

**Мы с папой шли и я жестянку
С червями бережно держал.
Зато на отмели не раз,
Открыв узорную изнанку,
В ковер и в скатерть-самобранку
Преображался он для нас.**

★ ★ ★

Отец мой не свистел совсем,
Совсем не напевал.
Не то, что я, не то, что я,
Когда я с ним бывал.

Не в полный голос, просто так,
Не пел он ничего.
Все говорят, что голос был
У папы моего.

Певцом не стал, учил детей,
В трех войнах воевал...
Он пел для мамы, для гостей.
Нет, он не напевал.

А что мы просто так поем —
Та-ра да ти-ри-ри,—
Наверное, звучало в нем,
Но где-то там, внутри.

Недаром у него была
Походка так легка,
Как будто музыка звала
Его издалека.

САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1

Пулеметчицу мама играла,
А у сына душа замирала.
До чего ж весела и смела
Пулеметчица эта была.
Мама, мамочка, вот ты какая!
Своего торжества не тая,
Всех соседей тряся и толкая,
Сын шептал: — Это мама моя!

А потом его мама играла
Дочку белого генерала.
До чего же труслива и зла
Генеральская дочка была.
Сын сквозь землю хотел провалиться.
Ведь позором покрыта семья.
А вокруг восхищенные лица:
«Не узнал? Это ж мама твоя?»

Мама ходит, брови хмуря,
Громко шепчет, учит роль.
Значит, нынче будет тюря:
Хлеб да масло, лук да соль.

Пол не мыт, цветок не полит,
Под плитой огонь погас.
И никто детей не школит,
Не воспитывает пас.

Артистической натуре
В день спектакля дела нет
До забот житейских. Тюря —
Вот наш праздничный обед.

Разбиваются стаканы,
Отбиваются от рук.
В миску воду льем из крана,
Хлеб крошим и режем лук.

А в глазах у мамы буря,
А в движеньях торжество.
Ну и тюря! Вот так тюря!
Нет вкуснее ничего!

ДРАЧУН

**Я бы всех своих врагов
Разорвал на сто кусков.
Разметал бы их, развеял,
А потом собрал и склеил,
Ибо собственной судьбы
Я не мыслю без борьбы!**

БАБА САША

Фея ласковая наша!
Дуги гордые бровей.
Называл я «баба Саша»
Маму матери моей.

В городке ходили толки
О былых грехах твоих,
И с усердьем богомолки
Ты замаливала их.

В черной шали, в платье строгом,
За себя прося, за нас,
На колени перед богом
Опускалась много раз.

Замирающие спицы,
Синий взгляд из-под платка...
Я ж водил по половине
Дутых пуговиц войска.

**Я с Буденным бил кадетов,
Интервентов, юнкеров.
Клич «Ура!», «За власть Советов!»
Сотрясал твой тихий кров.**

* * *

Бывало, в детстве песенку услышу
И не могу расстаться с ней никак,—
Всем надоем, залезу на чердак,
Стараясь не греметь, вползу на крышу,
С трубой, с антенной рядом постую
И ветру эту песенку спою.

Как ветру, откровенью иль болезни,
Ей, песне, нужно все заполнить,
Весь мир, хотя б на миг объединить.
Я пленник песни и посланник песни.
Я как во сне, а может, как в огне,
В тот сладкий миг, когда она во мне!

РАННЯЯ СЛАВА

**«Привет, поэт!» — кричали вслед.
Поэту было мало лет.
Он не мечтал о славе,
Мечтал он о расправе
Со всеми, кто кричал вослед:
«Поэт! Поэт! Поэт! Поэт!»**

ВЕНОК

Порой и мне случалось быть предметом
Немого обожанья и забот.
Младенчество. Лужайка ранним летом.
И девочка сидит, венки плетет.

И, возложив корону золотую
На стриженую голову мою,
Вся светится. А я не протестую.
Я сам себя кумиром сознаю.

И, радуясь сияющему взгляду,
На девочку гляжу, на облака
И ощущаю тяжесть, и прохладу,
И свежесть, и торжественность венка.

* * *

Попозже, чем скворец и грач,
За соловьями следом,
Твой развеселый детский мяч
Летел на встречу с летом.

Едва мяча услышишь стук,
Забудешь все печали.
Он вылетал — и все вокруг
Смеялись и кричали.

К тебе, босых ребячьих ног
Не чуя под собою
(С кем мячик — тот не одинок),
Друзья неслись гурьбою.

* * *

Старуха белье полоскала.
Вальком колотила она.
И в берег мой шумно плескала,
Весь пруд обнимая, волна.

Качалась икра лягушачья,
Качались жуки-плавунцы,
И малый кораблик ребячий
Качнулся и отдал концы.

Играли в волне осоки
Своей отраженной листвой...
Сто метров над уровнем моря
И тысячи верст до него.

СКАМЬЯ НАД РЕКОЙ

Поцеловала. Села. Он садится.
Глядят не видя в сторону мою.
Для них, больших, я что-то вроде птицы,
Нечаянно присевшей на скамью.

По радио сказали: лед с верховья
Уже идет. Я ледохода жду.
И что мне эти двое с их любовью!
Не стыдно — так целуйтесь на виду.

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ

Он сбежал у меня на глазах.
Я его провожаю в слезах.
Мы с ежом замечательно жили,
Уважали друг дружку, дружили.
Позволял он потрогать брюшко.
Он с ладошки лизал молоко.
У него была милая рожица.
Не любил он колоться и ежиться.
Но открытой
Оставили дверь —
И сердитый
Бежит он теперь.
Как чужой, и шипит он, и колется.
Проводил я его до околицы.
И в колючей траве он исчез
И свободный отправился в лес.

**Клубится пыль над большаком.
Струится лен под ветерком.
Машина мчится в чистом поле.
И странно выглядит на воле
Горшочек с комнатным цветком.**

**Цветок тепличный, законный,
Глядит с опаскою, смущенный
И тряскою грузовика,
И непривычной, незаконной,
Ненужной лаской ветерка.**

ГОДУ В ТРИДЦАТЬ ПЯТОМ...

1. ВЕСТОВОЙ

В полку Таращанском когда-то
Комбатом служил мой отец.
Однажды, году в тридцать пятом,
Комбата проведаль боец.

Перед четвертною бутыллю
И сахарною головой
Сидели, и пели, и пили
Комбат и его вестовой.

Тут мне бы забиться за печку,
Забраться под стол, под кровать,
Запомнить бы все до словечка
И внукам потом рассказать.

Что помню я? Говор крестьянский,
Махорочный дым и вино...
На фильм о войне о гражданской
Сбежал я в тот вечер в кино.

2. ФРЕНЧ

На восемнадцатом году советской власти
Старинный френч английского сукна
Мне бабка привезла. «Возьми на счастье!» —
Перекрестясь, промолвила она.

Ряд пуговиц литых с двуглавыми орлами,
Следы погон меня бросают в дрожь.
«Богатый матерьял! — сказала бабка маме. —
Сын не спосил, так внуку перешьешь».

...Когда, погонами сверкая золотыми,
Крестьянский сын ходил по улице села,
Как бабушка моя гордилась ими,
Как хвалила мундир, как берегла.

О революции она и не мечтала,
Свергать не собиралась старый мир
(Так далеко мечта не залетала!).
Ее победой этот был мундир.

Но френч, отцом отвергнутый когда-то,
И для старухи важность потерял.
Теперь он просто-напросто богатый,
Сохранности хорошей матерьял.

3. БИЛЕТ

Что гильзы, фантики и марки,
Значки и прочее добро,
Что все московские подарки!
Билет метро! Билет метро!

Какой подарок мне достался!
По травке мчусь во весь опор.
«Мой папа на метро катался!» —
Кричу, влетая в каждый двор.

И этот маленький билетик
С большой прекрасной буквой «М»,
Не говоря уже о детях,
Был нужен абсолютно всем.

Он так завладевал сердцами,
Как будто здесь, у старых стен,
Мерцал подземными дворцами
Московский метрополитен.

4. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Маленький, иду по городку.
Пятками босыми пыль толку.
Я великой страстью обуян:
Я люблю трудящихся всех стран,
И хочу, чтоб мир об этом знал,
И пою «Интернационал».

Вот сейчас бы встретить иностранца:
Итальянца, немца иль испанца,
Сжать бы руку правую в кулак
И над головой поднять вот так
И сказать «Рот-фронт!» или «Салют!»,
И они поймут меня... Поймут!

5. ПРАБАБКА

Прабабку-лишенку, прабабку-дворянку
Всегда я проведать спешил спозаранку. .
За что ж от меня-то помещице честь?
Прабабка! Она не у всякого есть.
«Прабабушка, здравствуй!» —

«Пришел, непослушник?»

На пряничек, скушай. Возьми-ка наушник.
Опять Ковалева. Пой, милочка, пой!
Ах, радио! Клад для старушки слепой!
Ну, хватит. Газета — рассадник культуры.
Давай-ка рассказывай карикатуры.
Кружок на глазу? Ах, монокль! Ну и ну!
В цилиндре да с бомбой? Подай, мол, войну!»
О, как потешалась она над Брианом,
Над Черчиллем, Гувером, Чжан Сюэ-ляном,
Как фыркала, губы ладошкой зажав,
Над мелкою спесью великих держав.
Шутила, кутила, катила в карете.
Смеясь и шутя, задержалась на свете.
Десятый десяток!..

Старушек толпа

Да конусом желтая риза попа.
Тут не было слышно «Вы жертвою пали».
По древнему чину ее отпевали.

6. ГОРОДСКИЕ ЧАСЫ

Над колокольнею туча плыла.
Слышался грома раскат.
Прямо из камня береза росла
Там, где чернел циферблат.

Невозмутимо свершали свой путь
Стрелки, ушедшие ввысь...
Время узнать — это в небо взглянуть,
От суеты унести.

7. НЕБО

Небо первых пятилеток ;
Без дождей и без туманов
Нынче в памяти встает.
В нем жужжанье авиеток,
Монопланов и бипланов,
Тихий планеров полет.

Дирижабли, стратостаты
Им таинственно владели.
К звездам рвался разум наш.
И кружил мой змей хвостатый,
И сверкал моей модели
Стрекозиный фюзеляж.

8. ЛЕТЧИК

Смеется летчик в шлеме
С газетного листа.
Вот это было время!
Вот это высота!

Счастливые пилоты,
Герои детских лет.
Рекорды. Перелеты.
Простых полетов нет.

9. САМОЛЕТ ПРИЛЕТЕЛ

Бывало, самолет летит —
Весь город на небо глядит.
Все ищут хвост и два крыла,
Оставив прочие дела.
Но как-то раз,
Но как-то раз
Не пролетел он мимо нас
И сел на ярмарочный луг,
И все уже стоят вокруг.
И строгий летчик виден всем:
Перчатки, кожанка и шлем.
С носилок свесилась рука.
Несут больного старика.
Нет-нет, теперь он не умрет:
За ним прислали самолет!

10. ЯРМАРКА

Ах, ярмарка! Ряды телег
На вытопанной травке.
Мороженого сладкий снег.
Палатки и прилавки.
Манящий писк «уйди-уйди»,
Возы. Весы. Веселье.
Снимайся! В дудочку дуди!
Кати на карусели!
Простор в круженье том живом
Гаданьям, слухам, толкам.
Была торговля торжеством,
Мешался торг с восторгом.

Цел под кувалдою металл.
Стучал кузнец, как дятел.
Я больше всех приобретал,
Хотя всех меньше тратил.

11. ТУРНИКИ

Всюду были турники:
Во дворах и на опушках,
В поле, в школе, у реки,
В городах и в деревушках.

И на этих турниках,
Меж столбов, полны веселья,—
Перекладина в руках,—
Физкультурники висели.

Добродушны и скромны,
Напрягались и взлетали.
«Это важно для страны!» —
Мы в глазах у них читали.

Один лишь раз, и то в начале детства,
Мой дядя, тот, погибший на войне,
К нам заезжал. Но до сих пор взглядеться
Могу в его глаза. Они во мне.

Все остальное — облик и слова —
Забыто. Но еще, припоминаю,
Была трава. Нездешняя трава.
Высокая и тонкая. Лесная.

Должно быть, в лес (он на краю земли
Был для меня) занес меня мой дядя,
И там мы на поляне прилегли,
Счастливые, в глаза друг другу глядя.

И я запомнил нити на белках,
И складки век, и редкие ресницы,
И два зрачка, две точки-зеницы,
В двух серых и лучащихся кружках.

**И то, как сам я отразился в них,
И то, как их застлала поволока
И шевельнулись веки... Только миг
Запомнил я. Одно мгновение ока.**

СВОИ-ЧУЖОИ

Вот город мой теперь. А вот мой дом.
Ведь насовсем со всем своим добром
Сюда мы переехали вчера.
Стою средь незнакомого двора.

Не знает пес, что я хозяин тут.
И я не знаю, как его зовут.

Пойду пройдуся по улице моей...
Что за народ, что за дома на ней?

Сегодня все неясно. Все не так.
Никто не друг. Зато никто не враг.

Мальчишки. Тот пониже. Тот большой.
Я, братцы, здешний. Я вам не чужой.

Девчонка. Глупый бантик. Умный вид.
И с бантиком знакомство предстоит.

**Вот угол. Завернуть? Или опять
По улице пройти? Как странно знать,
Что этот незнакомый город — мой,
И в незнакомый дом идти домой!**

ВДВОЕМ

Идем лесной тропинкой в первый класс.
И паутинки задевают нас,
Колючие хвоинки сыплют ели
На наши плечи, шапки и портфели.
И, развлекая спутницу мою,
Я песни громким голосом пою
Про подвиги, про смерть на поле боя.
Но вот просвет и небо голубое,
А там и школа на краю села,
Друзья и всевозможные дела.
А мне еще в лесу побыть хотелось.
Так хорошо мне никогда не пелось!

* * *

Идет человек не от мира сего,
Вводя в искушение собак.
В сторонку гусыни спешат от него.
Гогочет вдогонку гусак.

Видать, сочиняет чудака на ходу
Под мерные взмахи руки,
Бормочет, лопочет, как будто в бреду,
И в лужу роняет очки.

И тем же мапером, беднягу дразня,
Мальчишка, иду я вослед.
И та же беда ожидает меня
Всего через несколько лет.

Над книжками сгорблюсь, надену очки
И, строчки шепча на ходу,
С рассеянным видом пройду сквозь пески,
Сквозь горы, сквозь годы пройду.

К МУЗЕ

На старой марке Детгиздата —
Девчонка с книжкой... Как мила,
Как дорога ты нам когда-то,
Девчонка с книжкой, была!

Девчонка-муза! Каждым словом
Тогда служили как никто
Тебе Чуковский с Михалковым,
Маршак и Агния Барто.

Читает маленькая муза.
Цветы касаются колен...
Но у ребят всего Союза
Ты души забирала в плен.

В одних ты пробуждала смелость,
В других — веселость и задор.
А мне стихи писать хотелось...
Не расхотелось до сих пор!

КАЛУГА, 1941

1

Навеки из ворот сосновых,
Веселым маршем оглушен,
В ремнях скрипучих, в касках новых
Ушел знакомый гарнизон.
Идут, идут в огонь заката
Бойцы, румяные солдаты..
А мы привыкли их встречать
И вместе праздничные даты
Под их оркестры отмечать.
Вот так, свернув шинели в скатки,
Они и раньше мимо нас
Шагали в боевом порядке,
Но возвращались каждый раз.
Идут, молчат, глядят в затылок,
И многим чудится из них,
Что здесь они не только милых,
А всех оставили одних.

«И-эх, Калуга» — строй встревожил
Прощальный возглас. И умолк,
А вслед, ликуя, босоножил
Наш глухой, наш ребячий полк.

2

А мы еще вместе. Но рядом разлука,
Которой нельзя миновать.
Отец не спит, ожидая стука.
Слезы глотает мать.

3

Каждый вечер так было. Заноют, завоют гудки.
Женский голос из рупора твердо и строго
Повторит многократно: «Тревога! Тревога! Тревога!»
Суетливые женщины, дети и старики
Впопыхах что попало схватили с собою,
В новых платьях, в парадных костюмах, как будто
на бал,
Устремлялись толпою
В подвал...

4

Не по-русски, а вроде по-русски.
Непривычен распев голосов.
Белоруски они, белоруски.
Из лесов, из горящих лесов.
Гром войны. Громыханье телеги.
Разбомбленный, расстрелянный шлях.

**И на скорую руку ночлеги
В стороне от дороги, в полях.**

5

**Пейзажа не было. Его смели и смяли
И растоптали... Лишь густая пыль
Да медленное умирание солнца.
И снова пыль. И люди, люди, люди,
Стада, телеги — все одним потоком
Катилось. Шумы, окрики, слова
Слились в единый гул, роптавший глухо.
И желтые вечерние лучи
Ложились тяжкими последними мазками
На спины уходящих... Вот когда
Я с детством распростился.**

1943

ПОРТРЕТ АДОЛЬФА ГИТЛЕРА

Кукрыниксам

Тогда у нас в любом издании
И на страницах всех газет,
Пожалуй, чаще, чем в Германии,
Встречался Гитлера портрет:
Сапожки, усики и челка
И взгляд затравленного волка.
То фюрера лупил приклад,
То штык ему вонзался в зад...
На разбомбленные кварталы,
На нас, голодных, он, бывало,
Глядел, осклабясь, со стены.
И, проклиная, хотело
Все население страны.

В ЭВАКУАЦИИ

**Сады оделись раньше чем листвою
Кипеньем белых, розовых цветов.
И кровли плоские с зеленою травкою
Лужайками висят среди садов.**

**Арыка волны мчатся торопливо
Поить, и освежать, и орошать.
Плакучая к ним наклонилась ива,
И ловит их, и хочет удержать.**

**А тень, которую она бросает,
Хотели б волны унести с собой.
На облачко похожий, исчезает
Прозрачный месяц в бездне голубой.**

**Как пышен юг!
Как странно голодать,
Когда вокруг
Такая благодать!**

МУЖЧИНА

Отца на фронт призвали. И по такой причине
Я должен жить отныне
Как следует мужчине.
Мать вечно на работе. Квартира опустела.
Но в доме для мужчины всегда найдется дело.

Слежу я за братишкой, в порядке ли одежда.
Варю обед: в мундире горячая картошка.
Полны водою ведра. Подметена квартира.
Посуду мыть несложно — на ней ни капли жира.

С невозмутимым видом, солидным и достойным,
Во двор, к помойной яме, иду с ведром помойным.
С трех карточек талоны стригут мне в «гастрономе».
Кормилец и добытчик. Мужчина. Старший в доме.

Я искренне уверен, что стал отцу заменой.
Но в жизни той далекой, блаженной, довоенной
Отец не занимался подобными делами.
Мать заменила папу. Я помогаю маме.

ПЕРВЫЙ КУРС

**Что за странная окрошка?
Взлеты мысли и зубрежка,
Каблучков девичьих стук,
Спор иль хохот до упаду,
Семинары, серенады —
Смесь гремучая детсада
С Академией наук!**

* * *

Как много стало молодежи!
Нет, это сам я старше стал.
Ведь многих, будь я помоложе,
Я б молодыми не считал.

Нет, я поэт не настоящий,
Я все на свете упустил.
О молодости уходящей
И то в свой срок не погрустил.

А как грустят по ней поэты
Лет в двадцать или в двадцать пять!
Теперь не для меня все это.
Теперь мне нечего терять!

Как много стало молодежи!
День от дня, день ото дня
Мир делается все моложе
И все новее для меня.

АКСЕЛЕРАЦИЯ

Консерватория. Опять у входа
Стою и жду среди юного народа.
И, боже, до чего ж он не похож
На ту, былую, нашу молодежь.
С тобою мы, ты помнишь, были раньше —
Я дылдой, ты приметной великаншей.
А молодые жители земли
Нас, кажется, давно переросли,
Хоть, впрочем, среди рослой молодежи
Встречаются и маленькие тоже,
Но и они взирают сверху вниз.
«Вперед и выше!» — юности девиз.

ДОРОГА

1

Говори, пассажир. Говори что-нибудь.
Говори, даже если тебе неохота.
Говори, чтобы мне за рулем не уснуть,
Не свалиться в кювет, не пройти поворота.

Точно так же летят на тебя фонари,
Та же песня мотора в ночи беспредельной.
Говори, пассажир. Все, что хочешь, соври,
Чтоб не верить, не верить ее колыбельной.

2

Охвачен на аэродроме
Машины крылатою семьею,
Увидишь ты в счастливый миг,
Что небо сходится с землею
Не где-то там, на окоеме,
А здесь, у самых ног твоих.

Вот и начинается полет.
Девушка конфеты раздает.
Сладок вкус разлуки и тоски.
Вспыхнули на крыльях огоньки.
И летишь за тридцать земель,
За щекой катая карамель.

Вместе с нами движется луна.
Миг — и вся река освещена.
У воды ночные города
Тут и там теснятся, как стада,
Будто на полночный водопад
Тысячи огней сошлись толпой.

Меркнет освещенье, и в салон
В неземном обличе входит сон.
И у стюардессы на виду,
Словно ребятишки в детсаду,
Под турбин торжественный мотив
Дремлет мимолетный коллектив.

Опять кладу я компас на ладонь.
Щелчок — и стрелка чуткая на воле,
И, как от пут освобожденный конь,
Дрожит она в родном магнитном поле.

Итак, библиотека, картотека,
Наброски, сноски, выписки, мечты.
И вдруг ты набредешь на человека,
Который занят тем же, что и ты.

Откуда он? Как мог он породниться
С мечтой неясной, с замыслом твоим?
И кажется, что светится страница,
В прекрасный час написанная им.

И радуешься ты ему как брату,
А если он уже землю взял,
Ты ощутишь как свежую утрату
То, что случилось, может, век назад.

ПУСТЫНЯ

1

Ах, весна! Твоими чарами
Околдован наш отряд.
Черепашки ходят парами
И коробками гремят.

На барханчике
Тюльпанчики.
Не пески — цветущий луг,
Свищут суслики, тушканчики,
О любви мечтают вслух.

Ураганы вместе с пылью
Ароматы к нам несут,
И бараны щиплют лилии,
И фиалку ест верблюд.

Но кончается приволье.
Зной великий настаёт.

**Кустик перекати-поля
Из себя корзину вьет.**

2

**Закидывая голову, как птица,
Пьет верблюжонок воду из корытца.
Он пьет и пьет. Напился наконец.
«Шей про запас,— советует отец.—
Ведь то, что на верблюдах возят люди,
Наш брат верблюд везет в самом
верблюде».**

3

**Фляга с черепахой очень схожи.
На обеих панцирь вместо кожи.
Обе круглобоки и плоски.
У обеих горлышки узки.
Фляга, фляга, странница, бродяга!
Черспахой будь, живи, как скряга.
Медленно отмеривай глотки.
Впереди — пески...**

4

**Нет на земле теней
Послушней и верней,
Чем собственная тень.
Но жалко, что она,
Послушна и верна,
Не спрячет, не поможет,
Спасти тебя не может
В пустыне в жаркий день.**

Дымится на бархане костерок.
Конфеты на расстеленном платке.
Старик чабан, весь в белом, как пророк,
Один в песках. И пиала в руке.

Восток, Восток... Какая мысль, мудрец,
Тебя от одиночества спасет?
Какая мысль? Ну, скажем, про овец,
Про тех овец, которых он пасет.

В доверху нагруженной машине
Столько дней мотаясь по пустыне,
На мешках, как в трюме корабля,
Укачались мы и пропылились,
В груз из пассажиров превратились,
И тогда раздался клич: «Земля!»
Вот она! Темна и розовата
Пахота в сиянии заката,
И бежит по комьям босиком
Девочка с лепешкой и цветком.

ПИСЬМО ИЗ ЭКСПЕДИЦИИ

Хозяин наш мастеровит, но груб:
Он топором коляску сделал сыну,
А у жены клещами вырвал зуб
И в ранку... в ранку налил керосину.

Вчера машину попросил у нас,
Послал меня — продать мешок пшеницы.
И узнавал я в предрассветный час
По запаху акации станицы.

Приехал первым. Продал кое-как.
Не торговался. Первому. И что же?
Пшеницы столько навезли в мешках,—
Представь себе, я продал всех дороже.

Хозяин счастлив: «Хлопец-то! Хорош!»
Люби меня! С таким не пропадешь.

КЛАД

Чтоб богатству в злое время не пропасть,
Сам себя решил хозяин обокрасть.
Он обшарил кладовые, словно тать,
И украдкой с оглядкой вынес кладь.
Злое время... Ночью в чаще одному
Безопаснее, чем в собственном дому.
Он бы сам зарылся в землю, как медведь,
Злое время переждать, перетерпеть
И очнуться вместе с кладом ото сна,
Как начнутся подобнее времена.
На поляне под приметною сосной
Блещет заступ, озаряемый луной,
И богатство, порождающее страх,
Зарывает он в могилу, словно прах.

ДРЕВНЯЯ НАДПИСЬ

Недвижный камень рухнувшего храма
И прописными буквами строка.
Ни запятых. Ни точек. Телеграмма,
Идущая неспешно сквозь века.

* * *

**Откопана старинная монета,
И горделивый царь глядит с портрета.
Вот надпись. Расшифруйте поскорей.
Как звать его? Все так же: ЦАРЬ ЦАРЕЙ.
Ему б, наверно, показалось странным,
Что он пришел к потомству безымянным.**

САМАЯ ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

*Феде Лёвину,
начинающему палеонтологу*

**Жил-был игуанодон
Весом восемьдесят тонн,
И дружил он с птицею
Птеродактилицею.
Ничего эта птица не пела,
Лишь зубами ужасно скрипела,
И хрипела она, и стонала,
А других она песен не знала.**

**Но в восторге хриплый стон
Слушал игуанодон,
Радуясь певиче
Птеродактилице,
Ибо звуки ужасные эти
Были первою песней на свете,
Самой первою песней на свете,
На безлюдной, на дикой планете.**

★ ★ ★

Прощались мы. И, дружбой дорожа
Девчонки, притулившейся в сторонке,
Ушастого пустынного ежа
Я подарить решил твоей сестренке.
Решил. Забыл. Прошли года. И все ж
Он колется, проклятый этот еж!

ЗИМОЙ НА ЮГЕ

1

Так быстро из царства метели и льда
Попал я в объятья жары,
Что чудится мне: я свалился сюда
Вон с той белоснежной горы.
Оттуда в сиянье весеннего дня
Зима изумленно глядит на меня.

2

Очень странный чай с лимоном
Пить приходится порой:
Чай растет за этим склоном,
А лимон — под той горой.

3

Стоит зима. Но капля дождевая,
Листок последний с тополя сбивая,

Спешит упасть на розовый бутон —
И распускаться начинаст оп.

4

Стонет птица неизвестная,
Смотрит на море с тоской.
Хлещет пресная
Небесная
По соленой, по морской.

5

Птицы Севера и Подмосковья,
Вот где, милые, ваше зимовье.
Затаились среди тростника,
Не хотят признавать земляка.

ЛОСЬ

Слышу, хрустнула ветка,
И сразу увидел лося,
А лось увидел меня.
Стоит и не шелохнется...
И все ж на моих глазах
Терлет лось очертанья:
Ветки слились с рогами,
С кустами сливается тело,
С березовыми стволами
Уже сливаются ноги.
Лес, породивший лося,
Прячет свое дитя.

ТРАВКА

**Бродили овцы по горам,
Ходили люди с ними рядом,
И на скалу взобрался храм
Вслед за людьми и вслед за стадом.**

**О, кровли горного села!
О, храм, небесных духов ставка!
В какие выси подняла
Вас эта низенькая травка.**

ГОРЛИНКИ

Эдуарду Бабаеву

Базарный день в турткульской чайной.
Зеленый чай. Шашлычный чад.
Над чайниками люстр качанье.
На люстрах горлинки сидят.
Перелетели, пересели
И люстру сдвинули толчком.
Что за чудесные качели
В той чайхане под потолком!
Сидишь среди чайников и чада,
Средь птиц и медленных пиал.
И словно все, что в жизни падо,
Ты за полтинник сторговал.

Болен. Лежу в палатке.
Читаю хорошую книгу.
Стол. Закопченный чайник.
Роза в помятой кружке.
Вдруг отрываюсь от книжки.

Что там случилось? Птица!
Птица на тонких ножках
В ярком просвете двери.
Крошки нашла, поклевала
И на меня взглянула
Выпуклым круглым глазом.

...Птица в ярком просвете.
Роза в помятой кружке.
Я этого мог не увидеть,
Читая хорошую книгу.

Вот идет неспешною походкой,
В сложенные крылья облачен,
Голубок степной. Степенный, кроткий.
Кроток-кроток, а не приручен!

Голубь ждет голубку на свиданье,
Как и мы, тревогою объят,
И глядит на солнце в ожиданье,
Как и мы глядим на циферблат.
В небе сокол, а в степи лисица —
Все могли красавицей прельститься.

Близкое порою нас не тронет,
А чужое кажется родным.
Не поймешь, хохочет или стонет
Дикий голубь голосом грудным.
Как предтеча музыки и речи,
Речи, что не выльется в слова,
Рвется голос страсти человеческой
Из груди иного существа.

**Лучшая одежда— это крылья:
Хорошо сидит, прочна, легка,
Не боится ни дождя, ни пыли
И уносит нас под облака.
Вот сейчас расправит крылья голубь,
И они послушно понесут
Радужною грудью скрытый голос,
Голосом наполненный сосуд.**

ЧУДО

Привычный круг. Привычная работа.
Жизнь без чудес. К ним даже вкус исчез.
Живешь, и вдруг тебя полюбит кто-то.
За что? Про что? Вот чудо из чудес.

* * *

**«Ты — мое счастье!» — влюбленные шепчут друг другу.
Все поколения. На всех континентах земли.
Формулу эту влюбленным поставим в заслугу.
К определению счастья так близко они подошли.**

ЖЕНА

(Из Мориса Карема)

Ты — моя вода и мой огонь.
Ты — в моей неделе воскресенье.
Линией судьбы в мою ладонь
Ты была впечатана с рожденья.

Ты — мой хлеб, мое второе я,
Кровь, что сердце заставляет биться.
А еще ты — песенка моя,
Сказка, согласившаяся сбыться.

ВЕТЕР ЛИСТОПАДА

1

Свой самый первый листопад
Встречает этот клен.
Впервые праздничный наряд
Подставил ветру он.
Надеты на его сучки
Шесть листьев вырезных.
Они красны и широки,
Совсем как у больших.

2

Как разгулялся ветер листопада.
Сегодня он не просто рвет листву,
А гонит по реке барашков стадо,
Дает волнам морскую синеву.
И слышно, как река шуршит листвою,
А листья пеной бьются о песок.

**И рядом с этой страшной синевою
Летучим дымом кажется лесок.**

3

**Лес давно раздет. Его наряды
Тихо догорают на земле.
Деревца как будто и не рады,
Что опять купаются в тепле.
Запоздалым праздником осенним
Все они застигнуты врасплох
И глядят сквозь сон с недоуменьем
На листву, лежащую у ног.**

БЕДА

Как ночные виденья, пугая
Нас во время размолвок и ссор,
Выплывает русалкой Другая
И крадется Другой, словно вор.
Вместе с ними Обида, и Злоба,
И печали всех прожитых лет.
А потом зажигается свет —
И куда-то скрываются оба.

То обнимая, то браня,
Ты стать другим зовешь меня,
Все чаще на твоих устах:
«Другой бы то. Другой бы так.
Другой. Другим. Другого».
А нет другого слова?

Другому ты привет передала,
Другое имя крикнула смущенно,
И словно вспыхнул свет из-за стекла
Готового отправиться вагона.

**Негаданно-нежданно встречен мной
И не ко мне стремился в час прощальный
Полузабытый, но такой родной
Горячий взгляд любви первоначальной.**

**Бессонница. Тоска. Ревнивый бред.
Кто говорит: любви на свете нет?
Каков же должен быть источник света,
Когда такую тенью мир одет?**

**Видно, от доски и до доски
Я перелистал словарь тоски.
Знал я все слова наперечет,
А теперь додумался до сути:
Скорбь и впрямь скребет,
Печаль печет,
Грусть грызет,
Беда, конечно, бьет,
Мука мутит,
И кручина крутит.**

**Разлюбила и сама же не заметила,
С виду тихая и милая жена.
Просто там не проводила, здесь не
встретила,
Тем обижена, а тем раздражена.
Обвиненья превратятся в оправдания,
И в семье себя почувствуешь как гость,
И покажется, что с первого свидания
Незаметно разлученье началось.**

Рассвет. Сокольники. Поляна.
Нам вместе ровно сорок пять.
Когда уходишь, как-то странно
Такие вещи вспоминать.
На наши первые объятия
Глядит последняя звезда.
Пусть запоздалые проклятья
Их не коснутся никогда.

НАД СТАРОЙ АНТОЛОГИЕЙ

Е. Хазину

**Мировая поэзия слишком грустна.
Хор поэтов, в отличие от птичьего хора,
Даже если рассвет, даже если весна,
Про былые невзгоды забудет не скоро.**

**Как и птицы, поэты поют о любви,
Но все больше о боли, изменах, разлуке.
Правда, есть у поэтов свои соловьи,
У которых светлы даже горькие звуки.**

* * *

Руки твоей прикосновение —
И стала радостью беда.
«Неповторимое мгновение!» —
Успел подумать я тогда,

Но знал, что будет вспоминаться
Неповторимый этот миг
И повторяться, повторяться
В воспоминаниях моих.

ЧИТАЯ МОРИСА КАРЕМА

**Если хочется пить, то колодец копай.
Если холодно станет, то печь истопи.
Если голоден, то испеки каравай.
Если ж ты одиночек, то чуть-чуть потерпи.
И потянутся путники по одному
И к воде, и к теплу, и к тебе самому.**

* * *

**Морозный день... Зато над головою
В переплетенье сучьев, в черной сетке,
Стекая по стволам, на каждой ветке
Висит лавиной небо голубое.**

**И верится: вот-вот весна начнется.
И чудится: она уже явилась.
И ни один сучок не покачнется,
Чтоб небо невзначай не обвалилось.**

ПОСЛЕ МОРОЗА

Снова чисто двойное стекло.
В небе сереньком столько уюта.
Но с крещенскою стужей лютой
Искрометное что-то ушло.

Снег забыл, как хрустел и блестел он,
Золотился, алел, розовел,
И опять притворяется белым,
Простодушным, пушистым, несмелым,
Словно только что к нам прилетел.

ГРОЗОТМЕТЧИК

Когда изобретатель гениальный
Радиоволны уловил впервые,
Когда с людьми заговорил эфир,
Там не было ни фразы музыкальной,
Ни слова. Лишь разряды грозовые
Да шорох сил стихийных. Дикий мир,
Еще не знавший звуков человеческих,
По радио таинственно вещал.
Приемник (звался он «грозоотметчик»)
Покою и тогда не обещал.

ЗНОЙНОЕ ЛЕТО

1

День пригожий,
День погожий
Обернется карой божьей,
Если пять недель подряд
Дни погожие стоят.

2

Вороны каркают к ненастью,
А заодно уж и к несчастью,
И служит карканье ворон
Предвестьем кар и похорон.
Но в лето знойное и злое,
Затянутое дымной мглою,
Я чуть не закричал ура,
Когда услышал это «кrrrra!»,
Узнав давно забытый голос.
А ночью небо расколосось
И хлынул дождь как из ведра.

ПОД ДЕРЕВОМ

Не шевелясь, лежу под старым дубом.
Для молодых скворцов он служит клубом.
Как весело скворцам без пап и мам:
«Сам бабочку поймал! Летаю сам!»
А дуб охотно подставляет ветки:
«Летайте, детки! Отдыхайте, детки!»
Вот горстка прошлогодних желудей,
Гнилых скорлупок, черных от дождей.
Я отодвинуть их хотел рукою,—
Они не поддаются. Что такое?
Пробив скорлупку, птенчики-дубки
Вонзили в землю клювы-корешки.
Мне этот дуб сегодня как подарок.
Нет, мир не только в детстве свеж и ярок.
Не любят дети прелых желудей.
А птицы улетают от детей.

ОРЕШНИК

Шла осень. Орешник
Пожух, облетел
И вдруг — вот насмешник! —
Сережки падел.

Всю зиму сережки
На ветках качал
И вьюгу в одежке
Весенней встречал.

В мороз и в метели,
И ночью и днем,
Дрожа, шелестели
Сережки на нем.

Сквозь снежную жижу
По грязному льду
Весною поближе
К нему подойду.

С сережек слетая,
Шутя с ветерком,
Пыльца золотая
Взвьется дымком.

И теплою почкой,
Как шубой, одет,
Засветится точкой
Малиновый цвет.

На кочке подснежник
Очнется вот-вот.
А все же орешник
Всех раньше цветет.

КОРОЛЬ ЛЮЛЮ

(Подражание старинной французской песенке)

Живет на свете наш Люлю,
Не зная горя и забот.
Как подобает королю,
Он сладко ест и сладко пьет.

Когда гуляет наш Люлю,
Его в коляске мы везем.
Как подобает королю,
Ходить не станет он пешком.

Среди народа наш Люлю
Хранить умеет важный вид.
Как подобает королю,
Он пустяков не говорит.

А улыбнется наш Люлю,
Ему ответит дружный смех.
Как подобает королю,
Он рассмешить умеет всех.

**Не знает Лондон и Париж
Его величества Люлю.
Но очень славный он малыш,
И очень я его люблю.**

КОШЬ

Я для дочери моей
Самый лучший из коней.
Я умею громко ржать
И цокать звонко.
И верхом, верхом, верхом
На коне своем лихом
Так и носится
Наездница-девчонка.

А наутро нет коня.
Он уходит на полдня,
Притворяется сердитым,
Деловитым,
Но мечтает об одном:
Стать бы снова скакуном.
И, дрожа от нетерпенья,
Бьет копытом.

ЧАБАНУ

Ты лихо скачешь на коне
(Чего не скажешь обо мне),
Но в главном мы с тобою схожи:
Что там ни говори, а все же
Ты на коне, я за столом,
Сидячей жизнью мы живем.

КРУГ ПОЧЕТА

Торжествуя, рукоплещет стадион.
Круг почета совершает чемпион.
То кому-то улыбнется, то рукой
Вдруг помашет: полюбуйтесь, я какой!
Если б так на состязанье он бежал,
Никаких бы он побед не одержал.

ПАРАДОКС ЧУКОВСКОГО

«Писать вы стали мелко,
Поспешно, ловко, вяло.
Поделка
За поделкой,
Безделка
За безделкой.
К чему крутиться белкой?
Вам, видно, платят мало?
Не вижу в этом смысла,—
Вздыхнул Чуковский.— Хватит,
Пишите бескорыстно —
За это больше платят!»

ЗАСТЕНЧИВЫЙ ТРУБАЧ

**Что, если голос твой громоподобен?
Он слышен всем, но не для всех удобен.
И, крадучись, трубу несет трубач
Подальше от шоссе, ларьков и дач.
Горит труба, гремит среди дубравы.
И слушают ее цветы и травы.**

**«Земля имеет форму шара»,-
Однажды заключил мудрец,
За что его постигла кара,
И страшен был его конец.
Мир оказался не готов
Жить без поддержки трех китов.**

* * *

Когда порою целый мир
Дарит нам радость и веселье,
В чужом дому нам — сладкий пир
И только в собственном — похмелье.

Ну что ж! Нам слишком повезло,
И для порядка должен кто-то
Напомнить (странная забота!),
Что в мире существует зло.

УДИВЛЕНИЕ

Без удивленья холодно уму,
Оно его живит и утепляет,
Пусть даже удивишься ты тому,
Что ничего тебя не удивляет.

ПОДТЕКСТ

**В моих стихах подвоха не найдешь.
Подспудно умным и подспудно смелым
Быть не могу. Под правдой прятать ложь,
Под ложью правду — непосильным делом
Считаю я. Пишу я что хочу,
О чем хочу, о том и промолчу.
Ну, а подтекст в отличие от подвоха
Стихам дает не автор, а эпоха.**

ЕСЛИ ВЕРИТЬ ПУШКИНУ

**Важен опыт невеселый,
Но, быть может, прав поэт:
Горе — жизненная школа,
Счастье — университет.**

★ ★ ★

Да я же как мальчишка улыбаюсь
И как подарок вапу мысль приму,
Услышав: «Если я не ошибаюсь»,
«Быть может» иль «По мнению моему».
Вы скажете: оттенок, чушь, пустяк...
Как знать, как знать. Возможно, что и так.

МИМОХОДОМ

ДОБРЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

**Прочел твои стихи.
Забыл их снова.
Я не злопамятен.
Не помню я дурного.**

ПУТЬ К СОВЕРШЕНСТВУ

**«Ну вот и я теперь хороший!» —
Сказал пройдоха, став святошей.**

ЭТИКА

**Соразмеряйте цель и средства,
Чтоб не дойти до людоедства.**

ПЕДАГОГИКА

**Что делать, чтоб младенец розовый
Не стал дубиной стоеросовой?**

КРИМИНАЛИСТИКА

Одет прилично, гладко выбрит.
Кто знал, что он бумажник стибрит?

ЗООЛОГИЯ

«Собачья жизнь!» — сказала кошка,
И легче стало ей немножко.

ИХТИОЛОГИЯ

Как изучают жизнь акул,
Привычки, нравы и повадки?
А вот как: крикнут «караул!»
И удирают без оглядки.

ОБИДА

Гляжу с высоты
На обиду.
Теряю обиду
Из виду.

ДОБРО И ЗЛО

1

Как послушаешь, то враг
Нам желает только благ.
Но за эти-то блага
И не любим мы врага.

2

Зло без добра не сделает и шага
Хотя бы потому,
Что вечно выдавать себя за благо
Приходится ему.
Добру, пожалуй, больше повезло:
Не нужно выдавать себя за зло.

3

Сидел смущенно в обществе лжецов,
Молчал, словечка вставить не пытался.

**И не заметил сам в конце концов,
Как, не сказав ни слова, изолгался.**

4

**Чтобы сделаться смелей,
Нужно стать повеселей.
Чтобы стать повеселей,
Нужно сделаться смелей.**

МОЛВА

1

«Как предан он. Как верен он!» —
Твердят о нем со всех сторон.
С восторгом. С удивленьем.
С усмешкой. С подозреньем.

2

«Приветлив. Мил. Не скуп на ласку».
«Да, он носить умеет маску!»
«Доверчив. Добр. Душою чист».
«Вот притворяется! Артист!»

3

Сынок поумнел и ворчит на отца:
— Ты глупости, папа, несешь без конца! —

**Соседи твердят, что отец — либерал,
Ни разу ремнем он сыночка не драл,
А если бы сына лупил он ремнем,
Получше бы тот отзывался о нем?!**

ДРАЗНИЛКИ

1

В дверь вошло животное,
До того голодное!
Съело веник и метлу,
Съело коврик на полу,
Занавеску на окне
И картину на стене,
Со стола слизнуло справку
И опять пошло на травку.

2

Тот, кто с гусятами близко знаком,
Знает: гусята гуляют гуськом.
Тот же, кто близко знаком с гусаком,
К ним не рискнет подойти босиком.

3

Петушки распетушились,
Но подраться не решились.
Если очень петушиться,
Можно перышек лишиться.
Если перышек лишиться,
Нечем будет петушиться.

4

За уши зайца
Несут к барабану.
Заяц ворчит:
«Барабанить не стану.
Нет настроения.
Нет обстановки.
Нет подготовки.
Не вижу морковки!»

5

Что всего милее
Для тебя, мальчишка?
В хлебе — горбушка,
В капусте — кочерыжка,
В варенье — пенка,
А в школе — переменка.

* * *

**Полна, как в детстве, каждая минута,
Часы опять текут неторопливо,
И сердце переполнено твое.
Любовь — замена детства. Потому-то
Насмешливо, презрительно, ревниво,
Пугливо смотрит детство на нее.**

* * *

Когда душа обиды не смолчала,
Я жизнь свою решил начать сначала,
Тайком сложил пожитки в чемодан,
Дверь затворил и вышел в ночь, в туман.
И, горько весел, празднично бездомен,
Я заново открыл, что мир огромен,
И не заметил сам, как налегке
В родном я очутился городке,
И вспомнил то, что детство обещало,
И взял перо — и начал жить сначала.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

1

Захожу. Сквозь морозный пар
Давний друг моего отца
(До чего ж он хрупок и стар!)
Тускло смотрит на пришлеца.

Назову себя поскорей,
Чтобы так не глядел, не глядел,
Чтоб, еще не закрыв дверей,
На полжизни помолодел.

2

Снова, как и много лет назад,
Захожу в знакомый двор и в сад.
Двор пустой, и никого в саду.
Как же я товарищей найду?
Никого... А все же кто-то есть.

Пусто... Но они должны быть здесь.
Раз-два-три-четыре-пять,
Я иду искать.
Я от глаз ладони оторву.
Эй, ребята! Кто упал в траву?
Кто в сарае? Кто за тем углом?
Кто там за березовым стволом?

Я не верю в опустевший двор.
Я играю с вами до сих пор.

3

А думал я, с детством прощаясь,
Что нет возвращенья туда.
Теперь я легко возвращаюсь
В далекие эти года.
Иду к незабытому дому,
К друзьям незабытым бегу.
Но только в том мире любому
Судьбу предсказать я могу.

ВЕЧНАЯ ВЕСНА

1

Все жду, когда на улицу отпустят,
Кручусь, верчусь у взрослых под ногами.
И наконец не просто отпускают,
А выгоняют из дому меня.
Беда! Мороз весну остановил!
Лопаткой лед ломаю. Каблуком
Бужу ручьи, освобождаю лужи,
Да так, что брызги ржавые летят.
И, весь в грязи, промокший и голодный,
Иду домой. Стою в углу, как веник,
И верю, что расчистил путь весне.

2

Ключик, ключик, родничок,
Чистая волна!
Чей-то круглый кулачок
Звонко бьет со дна.

Ключик, ключик, родничок,
Круглая волна!
Вечный в мире новичок.
Вечная весна.

3

То ручейком, то мелкою речушкой,
Что не спеша по камешкам течет,
То чашей родника (с пробитым краем),
Чью гладь новорожденные ключи
Ребячьими вздымают кулачками,—
Водораздел лежит передо мной.
Извилисто, игриво, прихотливо
Бегут речушки и ручьи. Отсюда
Они сейчас расходятся навеки,
На много тысяч верст. Их разлучают
Не горные хребты и не ущелья,
А бугорки да мелкие лощины
Среди полей и в зелени лугов.
Такая бесконечная равнина,
Так все вокруг открыто и просторно,
Что веришь, будто речки и ручьи
Расходятся навек по доброй воле,
По прихоти дорогу избирают,
Текут себе куда кому охота,
В какие хочешь реки и моря.

4

Что я искал у края ледника?
Поскольку дожил я до сорока,

Мне нужно было
Собственные силы
Проверить, испытать наверняка,
Проделать налегке нелегкий путь
И с высоты на прошлое взглянуть.

Что я нашел у края ледника?
Здесь травка прошлогодняя жестка.
Ручьев движенье.
Камня копошенья.
Туман, переходящий в облака.
И на снегу теней голубизна.
И вечный лед. И вечная весна.

★ ★ ★

Опять, робея, веря и не веря,
Примчишься, под собой не чуя пог.
Не просто перед дверью, а в преддверье
Замрешь, нажать не смей на звонок.

Недолго нерешительность продлится.
Но молодость не кончилась, пока
Сначала сердце в двери постучится,
Потом к звонку потянется рука.

Век двадцать первый... Ну, еще подъем —
И вот он он! Так доживем, придем!
Пусть в двадцать первом веке будут здоровы
Не только те, кто нынче варит травы.
Пусть, хоть с одышкой, доберется тот,
Кто курит или кто покамест пьет.
Тем, кто бежит трусцою, дай бог ноги.
Я б также не хотел, чтоб наши йоги
Без пользы для народа и семьи
Остались в позе льва или змеи.
О нет, пусть взоры новых поколений
Оценят гибкость их телодвижений...
И я пойду туда дорожкой строк
И потрублю немножко в свой рожок.

СОДЕРЖАНИЕ

«Вечер...» *	5
Счастье *	6
«Ах, сколько звезд зимой в ночи морозной...»	7
Перекресток детства	8
Семейная фотография *	14
Костик *	15
Бабушка Катя	16
Земляничная канава *	17
Урок рисования *	18
Больничный двор *	19
Одуванчики	20
Богатыри	22
Плащ	26
«Отец мой не свистел совсем...»	28
Самодетельность	30
Драчун *	32
Баба Саша	33
«Бывало, в детстве песенку услышу...»	35
Ранняя слава *	36

Венок *	37
«Попозже, чем скворец и грач...» *	38
«Старуха белье полоскала...»	39
Скамья над рекой *	40
Прощание с другом *	41
«Клубится пыль над большаком...»	42
Году в тридцать пятом...	43
«Один лишь раз, и то в начале детства...» *	50
Свой-чужой *	52
Вдвоем	54
«Идет человек не от мира сего...»	55
К музе *	56
Калуга, 1941	57
Портрет Адольфа Гитлера	60
В эвакуации *	61
Мужчина	62
Первый курс *	63
«Как много стало молодежи!..»	64
Акселерация	65
Дорога	66
«Итак, библиотека, картотека...»	68
Пустыня	69
Письмо из экспедиции	72
Клад	73
Древняя надпись *	74
«Откопана старинная монета...»	75
Самая первая песня *	76
«Прощались мы...»	77
Зимой на юге *	78
Лось	80
Травка *	81
Горлилки	82

Чудо *	85
«Ты — мое счастье!»...»	86
Жена (<i>Из Мориса Карема</i>)	87
Ветер листопада	88
Беда	90
Над старой антологией *	93
«Руки твоей прикосновеенье...»	94
Читая Мориса Карема *	95
«Морозный день...» *	96
После мороза *	97
Грозоотметчик	98
Знойное лето	99
Под деревом	100
Орешник	101
Король Люлю	103
Конь *	105
Чабану *	106
Круг почета	107
Парадокс Чуковского	108
Застенчивый трубоч *	109
«Земля имеет форму шара»...»	110
«Когда порою целый мир...»	111
Удивление	112
Подтекст *	113
Если верить Пушкину	114
«Да я же как мальчишка улыбаюсь...» *	115
Мимоходом	116
Добро и зло	118
Молва	120
Дразнилки	122
«Полна, как в детстве, каждая минута...»	124
«Когда душа обиды не смолчала...» *	125

Тридцать лет спустя	126
Вечная весна	128
«Опять, робея, веря и не веря...»	131
«Век двадцать первый...»	132

*Берестов
Валентин Дмитриевич*

СЕМЕЙНАЯ ФОТОГРАФИЯ

М., «Советский писатель», 1973, 136 стр. План выпуска 1973 г. № 117. Художник *А. Л. Костин*. Редактор *В. С. Фогельсон*. Худож. редактор *В. В. Медведев*. Техн. редактор *Р. Я. Соколова*. Корректор *Ф. Л. Эльштейн*. Сдано в набор 18/VI 1973 г. Подписано к печати 18/XI 1973 г. А 04233. Бумага 70×90¹/₃₂ № 1. Печ. л. 4¹/₄ (4,97). Уч.-изд. л. 2,81. Тираж 20 000 экз. Заказ 386. Цена 30 коп. Издательство «Советский писатель». Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.

30 коп.

